

Константин Фофанов
(1862 – 1911)

Печальный румянец заката

Печальный румянец заката
Глядит сквозь кудрявые ели.
Душа моя грустью объята,—
В ней звуки любви отзвенели.

В ней тихо, так тихо-могильно,
Что сердце в безмолвии страждет,—
Так сильно, мучительно сильно
И песен и слёз оно жаждет.

Печально верба наклоняла

Печально верба наклоняла
Зелёный локон свой к пруду;
Земля в томленьи изнывала,
Ждала вечернюю звезду.

Сияло небо необъятно,
И в нём, как стая лёгких снов,
Скользили розовые пятна
Завечеревших облаков.

Молчал я, полн любви и муки,
В моей душе, как облака,
Роились сны, теснились звуки
И пела смутная тоска.

И мне хотелось в то мгновенье
Живою песнью воскресить
Всё перешедшее в забвенье
И незабвенное забыть!..

На волне колокольного звона

На волне колокольного звона
К нам плывёт голубая весна
И на землю из Божьего лона
Сыплет щедрой рукой семена.

Проходя по долине, по роще,
Ясным солнцем ровняет свой взор
И лучом отогретые мощи
Одевает в зелёный убор.

Точно после болезни тяжёлой,
Воскресает природа от сна,
И дарит всех улыбкой весёлой
Золотая, как утро, весна.

Ах, когда б до небесного лона
Мог найти очарованный путь, —
На волне колокольного звона
В голубых небесах потонуть!..

Май

Бледный вечер весны и задумчив и тих,
Зарумянен вечерней зарёю,
Грустно в окна глядит; и слагается стих,
И теснится мечта за мечтою.

Что-то грустно душе, что-то сердцу больней,
Иль взгрустнулося мне о бывалом?
Это май-баловник, это май-чародей
Веет свежим своим опахалом.

Там, за душевной чертою столичных громад,
На степях светозарной природы,
Звонко птицы поют, и плывёт аромат,
И журчат сладкоструйные воды.

И дрожит под рососою душистых полей
Бледный ландыш склонённым бокалом,-
Это май-баловник, это май-чародей
Веет свежим своим опахалом.

Дорогая моя! Если б встретиться нам
В звучном празднике юного мая —
И сиренью дышать, и внимать соловьям,
Мир любви и страстей обнимая!

О, как счастлив бы стал я любовью твоей,
Сколько грёз в моём сердце усталом
Этот май-баловник, этот май-чародей
Разбудил бы своим опахалом!..

Мы любим, кажется, друг друга

Мы любим, кажется, друг друга,
Но отчего же иногда

От нежных слов, как от недуга,
Бежим, исполнены стыда?

Зачем, привыкшие к злословью,
Друг друга любим мы терзать?
Ужель, кипя одной любовью,
Должны два сердца враждовать?

Ещё те звёзды не погасли

Ещё те звезды не погасли,
Ещё заря сияет та,
Что озарила миру ясли
Новорождённого Христа...
Тогда, ведомые звездою,
Чуждаясь ропота молвы,
Благоговейною толпою
К Христу стекались волхвы...
Пришли с далёкого Востока,
Неся дары с восторгом грёз,-
И был от Иродова ока
Спасён Властительный Христос!..
Прошли века... И Он, распятый,
Но всё по-прежнему живой,
Идёт, как истины Глашатай,
По нашей пажити мирской;
Идёт, по-прежнему обильный
Святыней, правдой и добром,
И не поборет Ирод сильный
Его предательским мечом.

Под напев молитв пасхальных

Под напев молитв пасхальных
И под звон колоколов
К нам летит весна из дальних,
Из полуденных краёв.

В зеленеющем уборе
Млеют тёмные леса.
Небо блещет – точно море,
Море – точно небеса.

Сосны в бархате зелёном,
И душистая смола
По чешуйчатым колоннам
Янтарями потекла.

И в саду у нас сегодня
Я заметил, как тайком
Похристосовался ландыш
С белокрылым мотыльком!

Прошла любовь, прошла гроза

Прошла любовь, прошла гроза,
Но грусть живей меня тревожит.
Ещё слеза, одна слеза,
Ещё – последняя, быть может.

А там – покончен с жизнью счёт,
Забуду всё, чем был когда-то;
И я направлю свой полёт
Туда, откуда нет возврата!

Пусть я умру, лишённый сил,
Не всё кончина уничтожит.
Узнай, что я тебя любил,
Как полюбить никто не может!

С последней песнею любви
Я очи грустные смежаю...
И ты мой сон благослови,
Как я тебя благословляю!

Столица бредила

Столица бредила в чаду своей тоски,
Гонясь за куплей и продажей.
Общественных карет болтливые звонки
Мешались с лязгом экипажей.

Движенью пёстрому не виделось конца.
Ночные сумерки сползали,
И газовых рожков блестящие сердца
В зеркальных окнах трепетали.

Я шёл рассеянно: аккорды суеты
Мой робкий слух не волновали,
И жадно мчались вдаль заветные мечты
На крыльях сумрачной печали.

Я видел серебро сверкающих озёр,
Серёжки вербы опушённой,

И серых деревень заплаканный простор,
И в бледной дали лес зелёный.

И веяло в лицо мне запахом полей,
Смущало сердце вдохновение,
И ангел родины незлобивой моей
Мне в душу слал благословенье.

Стало скучно тебе

Стало скучно тебе —
Что же надобно?
Ветер плачет в трубе,
Плачет жалобно.
Грустно свечка горит
Одинокая;
В окна полночь глядит
Черноокая.
На дворе сентябрем
Веет холодом;
Сыплет желтым листом,
Точно золотом.
Встал туман над рекой
Белой дымкою —
Сны снесет он с собой
Невидимкою.
Ветер буйный в трубе
Плачет жалобно.
Скучно мне и тебе —
Что ж нам надобно?

У поэта два царства

У поэта два царства: одно из лучей
Ярко блещет – лазурное, ясное;
А другое безмесячной ночи темней,
Как глухая темница ненастное.
В тёмном царстве влачится ряд пасмурных дней,
А в лазурном – мгновенье прекрасное.